

© Фото: Дмитрий Донской/РИА Новости

ДЛИННАЯ ДОРОГА В СПОРТЕ

Александра Валаева

Валентина Сидорова (тогда еще Бурочкина) пришла в фехтование в 1965 году. И как спортсменка достигла всех возможных вершин: она олимпийская чемпионка, девятикратная чемпионка мира. Закончив в 1986 году спортивную карьеру, она тем не менее не остановилась на полпути: защитила кандидатскую диссертацию, посвященную соревновательной деятельности рапиристок, и сегодня, спустя 55 лет, по-прежнему остается в фехтовании — преподает эту дисциплину в Российском государственном университете физической культуры и занимается исследованием современных тенденций в нашем виде спорта.

ИГРАТЬ, А НЕ ДРАТЬСЯ

– Валентина Васильевна, вы входите в число самых титулованных рапиристок мира и, безусловно, звезда женского рапирного фехтования. Но ощущали ли вы себя звездой?

– Нет, потому что еще на заре моей фехтовальной карьеры тренер строго-настрого предостерегал меня от этого. Приводил в пример девочек и мальчиков, которые спотыкались именно на том, что не могли справиться со звездной болезнью. Я спрашивала: «Как ее избежать?» – не знала ведь, что это такое. Тренер отвечал: «Первым делом:ходишь в зал – здоровайся». И вот мне 13 лет, я вхожу в зал, где одни олимпийские чемпионы, тихо-тихо говорю: «Здравствуйте», – и к своей дорожке иду. Тренер: «Почему никто не слышал? Мне замечание сделали, что девочка не здоровается». В следующий раз я во всю мощь легких торжественно кричала:

© Фото: Мегрулис / РИА Новости

«Здравствуйте!» Олимпийские чемпионы хохотали. Как я теперь понимаю, он меня приучал к родству, к братству, которое существует между людьми, занимающимися одним видом деятельности. Ему удалось донести до меня, что приветствие, добрые слова, пожелания важны, что, если противник споткнулся, подай руку. «На дорожке ты должна выигрывать как хочешь. Но даже при этом надо оставаться человеком», – учил тренер. Найти баланс на самом деле очень сложно.

– То есть оставаться человеком и избежать звездной болезни – это звенья одной цепи?

– И зазнайства, и ожесточения, которые сопутствуют соперничеству, характерному для фехтования, можно избежать, если главной принять идею игры. Виталий Андреевич Аркадьев, на пару с которым мой тренер ваял меня, всегда мне предлагал игру. Не говорилось «схватка» или «бой», а только «поединок», «игра». Не нанести поражение, а переиграть противника. В этом была суть. А чтобы переиграть, нужно что-то новенькое придумать. С людьми, которые использовали той же творческий подход, в фехтовальном поединке мы как бы говорили на одном языке. Что-то придумывали, хитрили, обманывали, и, когда меня переигрывали, это не ярость вызывало, а сосредоточение и желание переиграть в следующий раз.

МОСКВА-80:

НЕ ПО СЦЕНАРИЮ

– В этом году отмечается 40-летие московской Олимпиады. Сборная Советского Союза по женской рапире выходила на старт в роли фаворита. Но тем не менее ни в личных, ни в командных вы «золота» не выиграли. В чем причина? Слишком давила ответственность?

– Еще в процессе подготовки пришлось понервничать, потому что из-за бойкота вставал вопрос:

состоится Олимпиада – не состоится? Безусловно, статус соревнований давил. Кроме того, когда турниры начались, в других видах оружия возникли очень острые и даже трагические моменты: перебой в финале личного турнира саблистов между Витей Кровопусковым и Мишей Бурцевым, несчастный случай с Володей Лапицким в командных у рапиристов. Нас, конечно, старались оградить от «лишних» эмоций, но, хотели мы того или нет, все равно были включены в соревнования.

В командных в финале с французенками последняя треть встречи у нас не получилась. У Лены Беловой уже не было сил. Возрастные спортсмены, как правило, не держат два турнира – личный и командный. Они изношены и физически, и психически. У одного преподавателя кафедры психологии в нашем институте есть тест, устанавливающий уровень тревожности в стрессовых ситуациях через тремор. Оказывается, что высочайший тремор, как правило, бывает перед ответственными стартами у молодых спортсменов – из-за того, что они не знают, что их ждет. Также высокий уровень тремора у возрастных спортсменов, потому что они знают слишком много, знают, что существует огромное количество вариантов развития ситуации и что повлиять на исход могут какие угодно факторы. Поэтому таких спортсменов нельзя перегружать.

© Фото: Игорь Уткин, Александр Яковлев // ИТАР-ТАСС/Архив

У Наили Гилязовой была очень неудобная соперница. А мне довелось фехтовать с Брижитт Латрилль. Мы с ней ровесницы, одновременно начали выступать на международных турнирах, так и шли вместе. Счет у нас был – туда-сюда. Я могла легко выиграть, она могла легко выиграть. И вот я повела в счете. А потом вдруг возникло удивительное состояние, как будто меня взяли и вывели из боя. Только что я была в бою, видела изнутри ситуацию, а спустя мгновение уже вне его. Делаю какие-то выпады, выполняю приемы, судьбе говорю, что готова, а я не готова. В таких случаях спортсменам говорят:

«Вернись в бой. Напрягись, сосредоточься, ущипни, укуси себя – сделай хоть что-нибудь». Я и постучала, и уши потерла, и походила до конца дорожки – все, что можно было, пыталась использовать. Бой-то всего на пять уколов. Не могу вернуться. Не получается. И начался отсчет уколов в обратную сторону. Я проиграла этот бой 4:5. Мы уступили французенкам «золото», хотя в сезоне все турниры выиграли.

И в личных сложилась странная ситуация: эта девочка, Паскаль Тринке, которая стала чемпионкой, не была в числе сильнейших. Но, говорят, Олимпиада любит новые имена. И вот фавориты бились между собой, а ее оставили без внимания. Может быть, думали: «Сейчас ее остановят. Сейчас остановят». А она тихой сапой набрала свое количество побед – и уже не догнать. Это был для всех сюрприз. Но выиграла она заслуженно. В спорте не бывает подарков. Тем более в фехтовании, когда ты на дорожку выходишь один на один.

– Это «серебро» Олимпиады-80, наверное, было для вашей команды самым большим провалом.

– Да. Мы с Галиной Евгеньевной Гороховой, участвовавшей в четырех Олимпиадах и выигравшей в команде три «золота» и одно «серебро», много обсуждали эту тему. Пришли к выводу, что все, что выигрываешь, перестаешь считать. Это «ура!», это получилось, но дальше неинтересно. С тобой остается только то, что выиграть не можешь. Оно и является главным двигателем. Включает мозг, заставляет трудиться, выстраивать все заново.

Советская женская рапира была очень сильной. Школа потрясающая. Иван Ильич Манаенко, ее создавший, взял себе в преемники казанского тренера Владимира Васильевича Житлова, который продолжил традиции. Мы были непотопляемыми. Старшее поколение рапиристок передало нам эстафету, и мы просто по-другому не могли. Настроены были только на победу.

– У вас была дружная команда?

– Да. Несмотря на то что мы были соперницы. Но все понимали, что спорт с его конкуренцией – это вид деятельности и человеческие отношения сюда примешивать нельзя. Они из другого складываются: как мы летим в самолете, кто кому багаж поможет подтащить, кто кому руку протянет, отвертку на дорожку подаст и прочее. То есть мы были единым коллективом, а потому непобедимы.

– Кто у вас был лидером?

– Многие решали коллективно, но, конечно, лидером, по старшинству, была Лена Белова. Она оказалась в сложной ситуации: в предыдущем составе была самой молодой и в одночасье, когда пришли

мы, стала самой старшей. Она 1946 года рождения, а мы 52, 53, 54-го. Но надо отдать Лене должное – вела себя с нами ровно.

ЧЕМ ПРОЩЕ, ТЕМ... ПРОЩЕ

© Фото: Юрий Сомов / РИА Новости

– После 1980-го команда с вашим участием еще дважды стала чемпионом мира – в 1981 и 1986 годах. В следующий раз уже не советские, а российские рапиристки выиграли чемпионат мира только в 2002 году. И в последующем лидерство захватили итальянки. С чем это связано?

– Вспомните, какие это были годы. В 1986-м началась перестройка и очень непростой период для страны. В 1983 году у меня родилась дочь. Когда я стала восстанавливаться после ее рождения, в сборной уже сменился состав. Если ты все время в теме, в обойме, то идешь по прямой. Труднее, когда происходят перерывы, переключения. Кроме того, на соревнованиях мне приходилось работать одной: мой тренер был невыездным. Ему приходилось по крохам собирать сведения – от

меня, от других тренеров – о том, что происходит на турнирах. Однажды, в период моего восстановления, ко мне на соревнованиях подходит Лев Федорович Кузнецов и спрашивает: «Валя, а что ты делаешь в бою?» «Что не так?» – спрашиваю в свою очередь. «Ты им какую-то высшую математику преподаешь, – говорит. – Они даже не понимают, что ты делаешь. Подойди поближе и выполни простую атаку». Я пять раз сделала, как он сказал, и выиграла бой. «Проще надо», – все говорил мне Лев Федорович. Как это проще, когда я была обучена играть?

– Почему произошло это упрощение?

– У тренеров не хватало мастерства. Фехтование – динамичная система. В нем регулярно, каждые 10 лет, происходит обновление. Это не константа. Как только изменилась дистанция, тут же под эту тактическую составляющую выстраивается репертуар. Удлинили время блокировки или укоротили время блокировки – репертуар меняется. Получается, те, кто подготовлены с определенным репертуаром, в новых условиях уже фехтовать не могут.

СКРИПАЧ, ТАНКИСТ, ВРАЧ, ТРЕНЕР

– Вы на протяжении всей своей карьеры проработали с одним тренером – Давидом Александровичем Душманом. Почему так сложилось, в чем его тренерская сила?

– Удивительный человек. Ему 97 лет, но, когда с ним разговариваешь, получаешь заряд оптимизма. Конечно, сейчас больше я его поддерживаю. По сути своей он боец. И игрок. Причем не просто игрок, а азартный игрок. Думаю, это его главный двигатель. В свое время он взял 10 учеников и сделал 6 мастеров спорта. Это очень хороший результат для молодого тренера. Он пришел в фехтовальный зал в белом халате: до этого был спортивным врачом у фехтовальщиков. То есть сначала окончил медицинский институт и только потом – институт физкультуры. Работал себе в диспансере на улице Воровского, в физиотерапевтическом кабинете, размером 5 на 5 метров. С тех пор у него осталась кличка подпольная – Доктор. И так в конце концов увлекся фехтованием, что на чемпионате страны стал третьим по шпаге.

– До этого не фехтовал?

– Нет, на скрипочке играл. Это было под Минском. Его били за то, что он на скрипке играл. Один хулиган, который держал всех в страхе, его постоянно щелкал: «Ну ты, скрипач!» И вот в их дворе оказался молодой

парень, который взял над Давидом шефство. После того как хулиган в очередной раз обидел Давида, парень говорит: «Пошли». Подводит к хулигану и говорит: «Давай, ударь! По-настоящему ударь!» Так проходило обучение. Однажды, когда я уже закончила фехтовать, мы с Давидом Александровичем ехали на машине. И какой-то водитель пытался подрезать. Душман разозлился, обогнал его, на светофоре выскочил: «Да я тебе...» А там громила, Душман ему до плеча не достает. Но начинает давить. Тот спрятался в машину, сидит. Я говорю: «Давайте за руль. Нам ехать надо. Уже зеленый зажегся». Усадила, спрашиваю: «Чего вы так завелись?» – «А нечего хулиганить на дороге».

Ученицей Душмана была Тамара Евплова, которая в 1956 году стала чемпионкой мира в команде. Вместе с нею тогда фехтовали будущие олимпийские чемпионки Александра Забелина и Валентина Растворова. Однажды он пришел к ученикам, которые остались тренерами в зале: «Ну, кто у вас тут? Показывайте детей». А нас только набрали. Мы все одинаковые. Он пошел вдоль шеренги, остановился возле меня, смотрел-смотрел, спрашивает: «Фехтовать будешь? Придешь ко мне?» Девчонки мне говорят: «Ой, он тебя бросит. Специально взял, чтобы из группы увести. Мы вот будем вместе, все у нас будет хорошо. А ты теперь брошенная». Я – в слезы: «Не отдавайте меня ему!» А тренер мне говорит: «Иди уже, ладно. Отпускаю».

Он тогда десять человек набрал. Один мальчик в математической школе учился. Вряд ли стал бы фехтовать сильно, но мальчишка. Еще один мальчик способный был. Были две перспективные девочки. Но как-то у них не сложилось. И не сложилось вот почему: чтобы фехтовать, надо выезжать на соревнования. Это такая форма подготовки. В фехтовании по-другому не бывает. Без соревнований спортсмен не растет.

Давид Александрович возил меня на соревнования. Договорился с моей мамой, и вот я ездила: в одной руке у меня был чемодан с учебниками, в другой – чехол с фехтовальным инвентарем. Выезжали на месяц – сначала сбор, потом соревнования. Он судит на соревнованиях, а между боями, когда идет жеребьевка, дает мне урок. Каждый божий день давал урок. И я на его уроках выросла за три с половиной года. На четвертый год уже показала результат. На пятый меня включили в состав сборной, где были Галина Горохова и Александра Забелина. То есть в 1965 году я начала заниматься, а уже в 1970-м поехала на взрослый чемпионат мира. И в личных попала в полуфинал, стала 11-й или 12-й. Тогда в финал проходили 8 человек. Мне было 15 лет.

Международная федерация не хотела допускать

© Фото: Игорь Угмин, Александр Яковлев / ИТАР-ТАСС / Архив

таких юных (а нас было 4 человека): боялась, что женщины затопчут детей. Но все-таки нам дали попробовать – и все 4 прошли в полуфинал. Нам сказали: «Здорово. Продолжайте работать».

В 1971 году Иван Ильич Манаенко не взял ни меня, ни Валю Никонову, хотя мы по очкам уже подступали к основному составу. Если бы он нас поставил в команду, то в 1972-м наши кандидатуры пришлось бы обсуждать в олимпийскую сборную. Иван Ильич положил партбилет на стол и сказал: «Или я еду со старым составом, или не еду совсем».

Поэтому мы не ездили ни в 1971, ни в 1972 году. И пришли в сборную в 1973-м. В Гетеборге стали вторыми. А потом пошло: 1974, 1975, 1976-й и так далее – мы первые. Вот наша работа. 12 лет я фехтовала. И 10 раз занимала первое место.

Мне кажется, то, что нас не взяли в сборную в 71 и 72-м, пошло не в ущерб нам. Пока мы стояли рядом, мы крепили. И когда нас выпустили, нам уже равных не было. А в середине 80-х такая преемственность поколений была в некоторой степени потеряна. В 90-х вообще разруха началась.

– Вернемся к Давиду Александровичу: он работал с вами до самого конца?

– Да. В 1986 году был мой последний сезон. Но Душман не присутствовал на соревнованиях. Меня поручали то Боре Фоменко, то Перекальскому, то Льву Федоровичу Кузнецову.

– Как все-таки ему удалось довести вас до таких высот? Ведь он по современным меркам поздно пришел в фехтование.

– Он был драчун. И творец. Музыкальное образо-

вание – это творческий момент. Кроме того, ритм в фехтовании имеет большое значение. Одни и те же упражнения, одни и те же действия можно давать с разным ритмом исполнения. Ты можешь медленно начать, быстро закончить, а можешь, наоборот, быстро начать, потом остановиться и медленно закончить. Вот и Виталий Андреевич Аркадьев, который принимал участие в моей подготовке, очень много внимания этому уделял.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

– Почему вы сами не пошли в тренеры?

– Я подумала, что и так много спорту отдавала: жила в режиме «24 часа в сутки, 365 дней в году». А у меня маленький ребенок. Можно было оставить его и бежать в зал. Но дело в том, что дети, которых приведут заниматься, захотят стать олимпийскими чемпионами. Из них нужно будет растить спортсменов. А я уже говорила, что в фехтовании спортсмена без соревнований не получится. Значит, волей-неволей надо будет учеников вывозить. И серьезно этим жить. У меня так сложились семейные обстоятельства, что я бы не смогла...

– Как вы попали в институт физкультуры?

– После того как я закончила выступать, мы сидели однажды с мужем, и он спрашивает: «Ну что, так и закончишь? Неужели нечего сказать?» «Сказать

можно многое, – отвечаю. – Я только не знаю, где и как. В зал я не пойду». А он: «Разговор не про зал. Может, попробуешь защититься?» Я подумала: «Почему бы и нет? Темы есть, идеи есть. Надо попробовать».

Писала и защищала кандидатскую диссертацию во ВНИИФКе – Всесоюзном научно-исследовательском институте физической культуры. Тема была – «Соревновательная деятельность». В диссертации я анализировала соревновательную деятельность 20 сильнейших рапиристок мира. Достаточно любопытная работа получилась. Материал собирала в течение 5 лет: ездила на соревнования и снимала на камеру финалы. Использовала также для диссертации свои записи, которые делала на соревнованиях. У меня весь 1986 год был прописан в тетрадях. Защищалась в 1991 году. На защите был Давид Абрамович Тышлер, похвалил работу, спросил, чем дальше заниматься собираюсь. Я сказала, что хотела бы работать в институте физкультуры, а он там заведовал кафедрой фехтования и современного пятиборья. Но Тышлер отказал, мотивируя это тем, что кафедра «мужская». В 2001-м позвонил сам, пригласил работать, сказал, что есть вакансия.

– Что вы делали в десятилетие между 1991-м и 2001-м? Это были самые тяжелые времена и для страны в целом, и тем более для российского спорта.

– Занималась дочерью. Когда она пошла в школу,

Слева направо: Валентина Никонова, Валентина Бурочкина (Сидорова), Елена Белова. 1973 г.

без конца болела, я в школе брала задания, помогала выполнять, потом относила. Позже были музыкалка, бассейн, иностранный язык. Дочь вспоминает: «Завтракали на бегу, обедали в трамвае...» Мне было интересно наблюдать, как растет мой ребенок. Когда она пошла в среднюю школу, меня позвали работать в продуктовый магазин – продавцом, кассиром. Но, конечно, это было не мое. Через два года я ушла. А в конце 1997 года позвонил приятель: просил помочь – у его сына турбизнес. Засомневалась: «Чем я могу помочь? Какая связь?» Договорились, что поработаю месяц, если получится – останусь. Приезжаю в офис. Компьютер и офисную технику в первый раз вижу. Без конца звонят и приходят люди, в том числе и иностранцы. Я должна им рассказать, что и как, все показать. Я много где была – про Париж или про Кубу могла много рассказывать. Коллега удивлялся: «Ты вроде в турбизнесе и не работала, а у тебя хорошо получается». Была занята 24 часа в сутки, 365 дней в году. Могли в 3 часа ночи позвонить – и приходилось ехать, решать проблему. В итоге дома конфликт возник, и через три года я из турбизнеса ушла.

УЧИТЬСЯ И УЧИТЬ

– В качестве кого пригласил вас Тышлер на свою кафедру?

– В качестве преподавателя фехтования. Я в этой роли себя не представляла: 10 лет назад мне отказали, тема закрыта. И вдруг такое предложение. Но, если честно, мне было интересно, потому что это что-то новое. И вот я провела одно занятие, второе, третье и говорю: «Давид Абрамович, у меня завтра пара, придите посмотрите. Может быть, я чего-то не понимаю, может, что-то не так делаю». А он и отвечает: «На твоё занятие? Да у тебя знаний на семерых хватит. Не пойду». Но мои знания фехтовальные, практические, из зала, совсем не педагогические! Я пришла за помощью к Анне Матвеевне Пономаревой. Это одна из наших первых фехтовальных ласточек. Несколько раз чемпионат страны выигрывала, но выступала в те времена, когда советские фехтовальщики на чемпионаты мира еще не ездили. Корифей, фехтовальный педагог высшей квалификации. Ушла из института в 86 лет. И супруг ее, Александр Николаевич Пономарев, тоже фехтование вел.

Анна Матвеевна меня спрашивает: «Валя, что случилось?» – «Тышлера попросила прийти на занятие, чтобы посмотрел, подсказал, а он не согласился». Она мне показывает на полку: «Тут есть лекции, берите и читайте». И я взялась штудировать лекции.

– Вы преподавали фехтование не только тем, кто готовится в фехтовальные тренеры?

– Да. В общеинститутской программе есть специальные дисциплины по выбору. Среди них – спортивное фехтование. Кому интересно именно оно, приходят. Но и с будущими фехтовальными тренерами я работаю. Набираю курс и веду. Сейчас у меня третий курс, саблисты, переходят на четвертый.

– Кто приходит учиться именно на специальность «фехтование»?

– Обычные московские ребята. Поступают 18-летние, после школы, многие как спортсмены еще не проявили себя. В большинстве случаев к 22 годам, то есть к окончанию института, выясняется, что фехтовать серьезно уже не будут, не перспективные. Но есть и те, кто фехтуют на уровне юниорской сборной. С ними проводим работу по анализу боев. Есть такой шпажист Михаил Белозеров. Как-то на студенческих играх он проиграл бой шпажисту-сборнику. Начал хорошо, а концовка не получилась. После боя мы с ним сели, стали разбирать, я задала вопрос, чтобы определить, понимает ли он, о чем речь. Он ответил расплывчато. Я подумала, что еще не отошел от боя, оставила. Когда Миша появился на курсе, спросила у него, помнит ли он тот бой. «Да, помню, – отвечает, – и вопрос ваш помню». «Сейчас ответить на него сможете?» Такая работа – это ведь тоже тренинг. Когда человек серьезно в теме, он включает анализ, включает обратную связь. Его ответ был: «Могу. Вот это, вот это и вот это». Я говорю: «А еще есть такой прием...» Они с тренером, Юлией Гараевой, поработали над этим приемом, и Михаил выиграл-таки у того соперника.

– Михаил – сильный спортсмен, но в сборную никак попасть не может, каждый раз чуть-чуть не хватает.

– Все дело в женском начале. Не может быть женщина тренером мальчика. Менталитет женский, чувство оружия, реагирование, длина. Подсказка не звучит по-мужски. Другая гендерная составляющая – никак этого не исключишь. Женщина годится на обучение: в стойку поставит, слепить, придать форму, обучить технике. Если спортсмен метит в сборную, там, где уже начинается битва, с ним должен работать тренер-мужчина.

Я с Лирой Грушиной разговаривала, она рапиристов тренирует. Лира однажды попросила: «Посмотри на моих ребят, не пойму, что происходит». Я как раз в научной группе со сборной работала. На турнире смотрю на двух Лириных ребят и вижу: они идут, идут, идут к уколу, а в последний момент, вместо того чтобы колоть, – руку на себя. Взяла видео боев: вот он, конец рапиры, на курточке уже, а фонарь не горит, укола нет. Как корова мажет хвостом.

Спрашиваю Лиру: «А чего это он у тебя не колет?» – «Как не колет? Почему?» – «А не знаю». На следующем турнире посмотрела, как Лира разминает ученика перед боями. И вот что происходит: спортсмен колет, но очень нежно – щадит. Лира ниже всех своих ребят ростом. Она женщина. А они должны колоть мужиков, себе равных. Все – это под коркой. Джентльмены растут. Хорошие ребята будут – но для семьи, не для спорта.

Так часто у женщин-тренеров происходит: мальчишки идут, идут, набирают, а потом – раз! – и стопорятся, как будто под крышку какую-то попали.

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

– Проводится ли сегодня в институте научная работа? Есть ли новые темы, новые исследования?

– И новые темы есть, и исследования проводим. Например, я проанализировала большое количество видео с крупнейших международных соревнований – около 200 боев – и вот какую тенденцию обнаружила в техническом оснащении рапиристов: сейчас основным является не прямой, не колющий укол, а синкопный – с передержкой темпа или с переносом. В случае переноса ты поднимаешь оружие и противник не знает, в какой сектор ты уколешь. Эта неизвестность очень важна для достижения преимущества.

– То есть, просмотрев и проанализировав большое количество боев, вы улавливаете тенденцию и начинаете ее исследовать?

– Конечно. Я визуально отслеживаю частые повторения, причем в фехтовальных школах разных стран, делаю обобщения. Своих студентов тоже приучаю анализировать. Мне неважно, как они будут фехтовать. Но они должны уметь учить фехтованию. Кстате, из тех, кто не достигли как спортсмены выдающихся результатов, чаще получают лучшие тренеры. У них есть стимул доказать себе, что они что-то да значат. А само умение фехтовать не является гарантией того, что человек станет хорошим тренером. Ведь спортсмена научить надо. А научить – это отдельная тема.

– И в заключение – как вы думаете, что необходимо сегодня российскому фехтованию, чтобы оно продолжало существовать и быть успешным?

– Отвечая на этот вопрос, в первую очередь надо сказать о тенденции, которая сложилась за последние годы: произошла коммерциализация спорта. Люди бьются за металл. Сегодня спорт финансируется, спортсмены получают зарплату, проблем с выездами на соревнования нет. Сборы в течение месяца-полутора – какие

хочешь: на море, в горах. Но в спорт должна вернуться состязательная составляющая. Кроме того, результата мы достигнем лишь в том случае, если тренеры будут работать вдумчиво. Нужно, чтобы тренеры были творцами. Чтобы каждый бой каждого своего ученика творили. Победы не приходят извне. Они рождаются внутри.

Однако взгляд тренера, работающего в зале, может замылиться. Необходимо научное осмысление тех изменений, которые происходят в фехтовании. Фехтование каждые 10 лет кардинальным образом меняется. Появляются новые идеи, новые тенденции. Их нужно не просто отслеживать, потому что если ты идешь следом, то уже опаздываешь. Необходимо предвидеть, опережать. То есть вести наблюдение на каждых соревнованиях, анализировать и затем доводить информацию до тренеров. Нашему фехтованию необходимо оперативное методическое обеспечение, как было во времена СССР.

© Фото: Алексей Филиппов / ИТАР-ТАСС / Архив